

АЛЕШ БРАНДНЕР

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В русском и чешском языках, подобно как и в остальных славянских языках, грамматически значимым является подразделение существительных на одушевленные и неодушевленные. В основе такого разделения лежит бытовое представление о живом и неживом, не совпадающее, однако, с биологическими представлениями: существительные, обозначающие растения, считаются неодушевленными, а существительные, обозначающие животных и человека – одушевленными. Поскольку данное деление проведено по принципу „наличие признака (одушевленность) – отсутствие признака (неодушевленность)“, этот признак является обязательным (ср. Милославский, 1981, 53–55). Грамматическое номинативное значение одушевленности и неодушевленности тесно связано с грамматическим значением рода и имеет последовательное морфологическое и синтаксическое выражение.

Средства, при помощи которых осуществляется распределение существительных на одушевленные и неодушевленные, не являются в обоих языках одинаковыми. В русском языке, в отличие от чешского, нет особых типов склонения для существительных одушевленных и неодушевленных (ср.: *завод, ученик; завода, ученика; заводу, ученику ... × pán, hrad; pána, hradu; pánovi, hradu ...*). Грамматическое выражение противопоставленности категории одушевленности-неодушевленности четко прослеживается у существительных мужского рода в единственном числе (кроме имен на *-а, -я*) и у существительных всех родов во множественном числе. В русских грамматиках средства выражения категории одушевленности-неодушевленности рассматривают, сопоставляя формы винительного с именительным и родительным падежами (ср. Рожкова, 1987, 41). Разница в системе склонения между существительными одушевленными и неодушевленными заключается в русском языке только в том, что у неодушевленных форма винительного падежа совпадает с именительным (ср.: *Я вижу завод, окно // заводы, школы, окна*), у одушевленных – с родительным: в единственном числе мужского рода (ср.: *Я вижу ученика*), как в чешском языке, во

множественном числе – в отличие от чешского – у всех родов, ср.: *Я вижу учеников, учениц, животных* (ср. Navránek, 1976, 289; Jiráček, 1986, 15–16; Trost, 1992, 97; Žaža, 1996, 47–48).

Так, в русском языке одушевленность в пределах слов мужского рода выражена морфологически – совпадением форм этих же падежей у согласуемого с существительным прилагательного; у слов женского рода, среднего рода и слов мужского рода, изменяющихся по женскому склонению, одушевленность в единственном числе не находит выражение. Во множественном числе она представлена морфологически и синтаксически: совпадением форм родительного и винительного падежей и – в тех же падежах – совпадением форм определяющих прилагательных. Неодушевленность в словах, изменяющихся по мужскому и среднему склонению, оформлена морфологически – совпадением форм именительного и винительного падежей единственного числа – и синтаксически – совпадением тех же форм определяющих прилагательных; неодушевленность у слов женского рода в единственном числе не обнаружена. Во множественном числе у существительных всех родов она проявляется совпадением форм именительного и винительного падежей самих существительных и определяющих их прилагательных. Таким образом, одушевленность и неодушевленность по своему морфологическому оформлению представляют собой разновидности в рамках определенных типов склонения. В единственном числе две разновидности (одушевленная и неодушевленная) мужского склонения и (редко) среднего склонения; во множественном числе – две разновидности (одушевленная и неодушевленная) мужского, женского и среднего склонений.

В чешском языке, как было указано выше, одушевленность проявляется как решающий фактор при выборе окончаний только в мужском роде. Разница наблюдается прежде всего в винительном падеже единственного числа (ср.: *pán – pána, muž – muže × hrad – hrad, stroj – stroj*). Отличаются далее формы дательного и предложного падежей единственного числа (ср.: *pán – pánovi, muž – mužovi × hrad – hradu, na hradě; stroj – stroji*) и форма именительного падежа множественного числа (ср.: *páni, pánové; muži, mužové; občané × hrady, stroje*).

Происхождение указанных разрядов существительных связано с необходимостью морфологически различать субъект предложения и дополнение объекта (ср. Шелякин, 2001, 29–30). Это особенно важно, когда речь идет об одушевленных существительных, прежде всего названиях лиц. Такое различие в форме винительного падежа не только не исконное, но исторически довольно позднее: исконно в древнерусском языке винительный падеж единственного числа у слов мужского рода был всегда равен именительному. Когда сказали *Язь вижу столь*, то в этом случае было ясно, где субъект и где объект действия, но когда сказали *Отцьць видитъ сынъ*, этой ясности в древнерусском предложении со свободным порядком слов не было, так как активно действующим лицом мог быть и отец, и сын. В женском роде таких трудностей не было, так как именительный падеж (т. е. падеж субъекта) и ви-

нительный (т. е. падеж объекта) различались по форме. В среднем роде потребности разграничить падеж субъекта и падеж объекта не возникало, ибо здесь не было слов, обозначающих активно действующий субъект. Значит, такая потребность существовала именно для слов мужского рода, и язык должен был найти средства для разграничения винительного и именительного падежей, чтобы формально обозначить объект и субъект действия. Такое средство было найдено в использовании формы родительного падежа в значении винительного при обозначении одушевленного объекта (ср.: *Отць видить сынъ* > *Отць видить сына*). Так возникла категория одушевленности, формально выражающаяся в том, что при одушевленности объекта действия существительное выступает в форме родительного падежа.

То, что именно родительный падеж был использован для обозначения винительного в определенных случаях, объясняется близостью этих двух падежей в синтаксическом плане. Например, параллельно конструкции „глагол + винительный падеж“ употребляется конструкция „тот же глагол с отрицанием *не* + родительный падеж“, ср.: *Он читал эту книгу*, но *Он не читал этой книги*. Параллельные конструкции *Он выпил воду* и *Он выпил воды* отличаются друг от друга лишь тем, что винительный падеж обозначает объект, полностью охваченный действием, а родительный падеж – объект, только частично подвергающийся этому действию. Подобная близость синтаксических связей определила, видимо, использование именно родительного падежа при обозначении винительного одушевленных существительных (ср. Mgrázek – Popova, 1982, 50–51; Иванов, 1983, 283–286; Иванов – Потиха, 1985, 84–86).

Становление категории одушевленности в русском языке шло постепенно: первоначально (в XIV–XV вв.) это была категория лица, ею охватывались лишь слова, обозначающие людей, и только в единственном числе; затем (с XV в.) она распространялась и на существительные, обозначающие животных, в формах единственного числа (ср.: *похвати быка*), а также и в формах множественного числа (ср.: *пожаловаль есмь соколниковъ печерскихъ*) в связи с происшедшим к этому времени совпадением форм именительного и винительного падежей множественного числа (ср.: им. *брати* – вин. *браты* > им. *браты* – вин. *браты*). На протяжении XVI–XVII вв. в категорию одушевленности стали втягиваться существительные женского рода (в формах множественного числа), ср.: *поучити женъ своихъ, птиць отгонитъ* (во множественном числе у слов женского рода винительный падеж исконно совпадал с именительным). К XVII в. в русском языке завершилось формирование грамматической категории одушевленности-неодушевленности, в том числе в ряде случаев и на слова среднего рода, ср.: *Я вижу насекомое, животное, млекопитающее* × *Я вижу насекомых, животных, млекопитающих* (ср. Иванов – Потиха, 1985, 85; Янович, 1986, 155–157). Итак, одушевленность-неодушевленность существительных нашла последовательное синтаксическое выражение в формах винительного падежа множественного числа, а для слов мужского рода – и в винительном единственного.

В современном русском литературном языке сохранились некоторые старые формы винительного падежа одушевленных существительных, равные именительному. Эти существительные выступают при глаголах, носящих различный характер: они обозначают переход в другое положение, включение в какую-нибудь категорию лиц, при употреблении с оттенком собирательности в конструкции с предлогом *в* имеют они во множественном числе винительный падеж, сходный с именительным. Прежде всего такая форма обнаруживается в наречии *замуж* (сочетание предлога *за* с бывшей формой винительного падежа, равного именительному – *муж*, ср.: *выйти замуж* × *заступить за мужа*). у Пушкина в „Сказке о Золотом петушке“ встречается *на конь: Люди на конь! Эй, живее!* Названная форма сохраняется в народных поговорках, ср.: *Седша на конь да и поехал в огонь*.

Старая форма винительного падежа множественного числа с предлогом *в* сохранилась, как было уже упомянуто выше, в некоторых сочетаниях, обозначающих профессию, должность или новое состояние человека, ср.: *брат в жёны* „brát si za manželku“, *выйти в люди* „dopracovat se pěkného postavení“, *годиться в отцы кому-нибудь* „moci být někomu otcem“, *прийти в гости* „přijít na návštěvu“, *метить в министры* „usilovat o úřad ministra“, *попасть в директора* „stát se ředitelem“, *пойти // поступить в учителя* „stát se učitelem, dát se na učitelskou dráhu“, *пойти в матросы* „stát se námořníkem“, *поступить в лётчики* „stát se letcem“, *поступить в работницы* „stát se dělnicí“, *произвести в генералы* „povýšit na generála“, *выдвигать в диктаторы* „navrhovat za diktátora“, *выбрать // избрать в депутаты* „zvolit za poslance“, *выдвинуть в кандидаты* „navrhnout za kandidáta“, *быть принятым в члены организации* „být přijat za člena organizace“, *вступить в члены общества* „stát se členem společnosti, vstoupit do společnosti“, *вербовать в члены союза* „získávat // verbovat do spolku“, *принять в кухарки* „přijmout za kuchářku“, *записаться в доноры* „přihlásit se jako dárcе“. Можно сказать, что существительные в данных словосочетаниях обозначают не лицо, а сферы деятельности лиц; употребляются они всегда во множественном числе. Явление это продуктивно и для современного русского языка. Эти конструкции представляют единственное отступление от последовательного выражения значения одушевленности во множественном числе.

Подобным способом, как в русском языке, сформировалась категория одушевленности-неодушевленности в древнечешском языке (ср.: *Отць бьjetь bratrъ* > *Отць бьjetь bratra*). В древнечешском языке, таким образом, преобладала у существительных, обозначающих лиц, форма винительного-родительного (ср.: *Králová porodi syna, Chcet mužě za hospodu jmieti*). Засвидетельствованы также формы винительного-именительного (особенно после предлогов), ср.: *pro Bóh, za otec, pro Hospodin*. Реже эта форма встречается в других случаях, ср.: *Hospodin vsielá anděl boží, Potočichu posel brzý* („poslali rychlého posla“). Старая форма винительного-именительного сохранилась до сих пор в адвербиальном сращении *probůh* и в словацкой конструкции *ist' za muž*. У существительных, обозначающих животных, преобладала в древне-

чешском языке старая форма винительного-именительного (ср.: *Ten kůň tobě dám, Beránek upekli, Vdova ten vepř zabila, Sem-li ten pes ukradl*). Только в течение XV и XVI вв. стала распространяться форма винительного-родительного также на существительные, обозначающие животных и преобладающей она стала в самом конце XVI в. Как стилистически маркированный архаизм сохранилась исконная форма в сочетании *vsednout na kůň*. Закрепление формы винительного-родительного у одушевленных существительных мужского рода стало причиной отделения одушевленных существительных от неодушевленных. Это стало проявляться в постепенной дифференциации и в других падежах; прежде всего это явление отразилось в именительном и винительном падежах множественного числа. Исконно форма именительного падежа множественного числа отличалась от формы винительного у одушевленных и неодушевленных (ср.: *vlci, hadi, potoci* › *vlci, hadi, potoky*). В XVI-XVII вв. произошел процесс замены старого именительного формой винительного падежа, т. е. после окончательного закрепления винительного-родительного в единственном числе (ср. Lamprecht – Šlosar – Bauer, 1986, 133–137). Категория одушевленности-неодушевленности проявляется в разграничении форм вопросительных слов: *кто?* (*kdo?*) – для одушевленных существительных и *что?* (*co?*) – для неодушевленных. У одушевленных имен существительных наблюдается противопоставленность по родополовому признаку (в отличие от неодушевленных), ср.: *школьник – школьница, слон – слониха*. Категория одушевленности проявляет себя также в замещении одушевленных имен существительных соответствующими местоимениями мужского и женского рода *он – она* (*on – ona*), в отличие от неодушевленных, которые замещаются местоимениями трех родов *он – она – оно* (*on – ona – ono*).

В русском языке помимо грамматически оформленных противопоставлений одушевленности-неодушевленности в рамках существительного следует обратить внимание на случаи противопоставленности и в рамках прилагательного, так как разграничение форм винительного и именительного падежей свойственно всем субстантивированным прилагательным, обозначающим лицо (ср.: *приняли встречный* (план) × *спросили встречного*). Г. И. Рожкова (1987, 42) обращает внимание на то, что среди субстантивированных прилагательных подавляющее число относится именно к одушевленным мужского рода, ср.: *приветствовать военного, вызвать управляющего, навестить отдыхающего*. Для обозначения неодушевленных предметов отмечается ограниченное количество субстантивированных прилагательных, причем употребляются они чаще всего во множественном числе (ср.: *отпускные* „peníze za proplacenou dovolenou“, *озимые* „ozimý“, *яровые* „jařiny“, *наградные* „odměny“, *суточные* „diety“ и под.).

Кроме грамматических средств выражения категории одушевленности-неодушевленности следует отметить и некоторые другие черты, характерные для проявления этой категории в речи.

В классе слов мужского рода на *-a* категория одушевленности проявляется семантико-синтаксическими средствами: эти слова, вопреки формальному

признаку, получают согласование по естественному роду, ср.: им. *хороший юноша* – вин. *хорошего юношу*. Семантико-синтаксические признаки рода характеризуют также одушевленные существительные мужского рода на *-o // -e*, ср.: *Я читал роман Короленко, Мы встречали на вокзале академика Панае*.

В ряде случаев сохраняется формальное выражение категории одушевленности вопреки содержанию слов (ср. Trost, 1992, 63–65). Сюда относятся существительные, обозначающие мертвого человека, ср.: *мертвец, покойник, утопленник, убитый* (*Мы видели мертвеца // покойника // утопленника, убитого*), однако слово *труп* ведет себя как неодушевленное (ср.: *По дороге через лес мы нашли труп человека*), а также названия идолов, богов, кукол, марионеток, представляющих подобие человека, ср. *молить бога, низвергнуть идола, показать марионеток, призывать Нептуна*. К последнему приведенному примеру следует добавить, что существительные *Марс, Сатурн, Юпитер, Нептун* в качестве названий античных богов рассматриваются как имена существительные одушевленные, а являясь названиями планет, склоняются как неодушевленные, т. е. они лишены своей морфологической одушевленности (ср.: *разгневать Марса, чтить Юпитера* × *смотреть на Марс, видеть Юпитер, Сатурн*). Но нарицательные обозначения бывших богов, перенесенные на людей, „одушевляются“, ср.: *смотреть на своего кумира* „*dívat se na svůj idol*“, *этого идола ничем не проймешь* „*toho hlupáka se nic netkne*“. При олицетворении отмечается нарушение общей закономерности разграничения одушевленности-неодушевленности, ср.: *купить куклы* „*koupit panenku*“ × *наряжать кукол* „*strojit, oblěkat panenku*“. Несоответствие между грамматической оформленностью и реальным содержанием наблюдается у слов, обозначающих блюда, приготовленные из мяса, ср.: *Они ели жареного поросёнка*.

В связи с семантическим разграничением живого и неживого отмечают в речи колебания форм винительного падежа при сочетании с существительными, обозначающими названия рыб, ср.: *купить омары* „*koupit humry*“ × *ловить омаров* „*lovit humry*“, *купить три карася* „*koupit tři karasy*“ × *поймать трёх карасей* „*chytit tři karasy*“, *нести омули* „*nést omuly*“ × *ловить омулей* „*lovit omuly*“. Формы неодушевленных имен существительных употребляются обычно в названиях рыбных блюд, ср.: *попробовать шпроты, съесть сардины*. Особенно у названий некоторых животных, которые понимаются как сырье, употребляется форма неодушевленного винительного падежа, ср.: *В Свердловской области снова появились бобры. Их не было здесь лет сто: этот ценный зверёк хищнически уничтожили*. (Из газет.) Подобно обстоит дело с существительными-названиями микроорганизмов как *микроб, бактерия, бацилл, личинка* „*larva*“, *куколка* „*kukla hmyzu*“: в профессиональной речи и в специальной литературе они включены обычно к одушевленным существительным, ср.: *изучать микробов, действовать на бактерий, уничтожать бацилл, спор за куколок и личинок*. В общелитературном языке эти слова употребляются как неодушевленные, ср.: *изучать микробы, действовать на бактерии, уничтожать бациллы,*

рассматривать куколки и личинки. Характер неодушевленного существительного имеет слово *вирус* (ср.: *рассматривать вирус*).

Разные значения одного и того же слова могут быть причиной различия формы винительного падежа, ср.: *знаю гений этого человека* „znám génia toho človeka“ × *знаю этого гения* „znám toho génia“; *сбил истребитель* „sestřelil stíhačku“ × *поймали истребителя* „chytili ničitele“. Вариантные формы винительного падежа допускают и некоторые одушевленные существительные среднего рода, ср.: *рисовать страшных чудовищ* „malovat hrozné nestvůry“ × *видеть страшные чудовища* „vidět hrozné nestvůry, netvory“; *знать всех лиц* „znát všechny osoby“ × *знать все лица* „znát všechny tváře“. Как неодушевленное склоняется существительное *дух*, ср.: *вносить дух сотрудничества* „vnášet duch // ducha spolupráce“. Колебания засвидетельствованы у существительного *спутник*, ср.: *запустить спутник* × *наблюдать спутника Земли* (последний оборот встречается в разговорной речи).

Существительные на *-тель*, означающие математические понятия, склоняются в русском языке как неодушевленные, ср.: *найти неизвестный сомножитель*, *умножить числитель и знаменатель*, *разложить на множители*; в чешском языке эти существительные из-за своего суффикса *-tel* или *-ec* склоняются, как правило, как одушевленные, ср.: *najít společného činitele*, *vynásobit čitatele a jmenovatele*, *rozložit na násobitele*, *najít společného jmenovatele*, *tito sčítanci* и пр.

Русские имена существительные с суффиксами *-тель*, *-чик*, *-щик* при обозначении орудий, приборов, механизмов в соответствии со своим значением неодушевленности имеют винительный падеж, совпадающий с именительным, ср.: *увидеть неприятельский истребитель* „uvidět nepřátelskou stíhačku“, *приобрести электрический счётчик* „získat chronometr“, *сбить вражеский бомбардировщик* „sestřelit nepřátelský bombardér“. Имена существительные с теми же суффиксами, обозначающие одушевленные существа, склоняются в соответствии со своим значением одушевленности, ср.: *подготовить счётчиков для переписи населения* „připravit komisaře pro sčítání obyvatelstva“, *изучать истребителей грызунов* „zkoumat ničitele // škůdce hlodavců“.

В чешском языке у некоторых неодушевленных существительных можно употреблять окончания и одушевленные, и неодушевленные. Речь идет о наименованиях, образованных с помощью суффиксов *-tel*, *-ec*, ср.: *ukazatel*, *násobitel*, *násobenec*, *ledoborec* и пр. Согласование у них проходит в зависимости от окончания существительного, ср.: *Ledoborce vypluly* // *Ledoborci vypluli*. Подобно ведут себя названия некоторых рыб и рыбных продуктов, ср.: *uzenáče* // *uzenáci*, *sledě* // *sledi*, *slanečky* // *slanečci*, *zavináče* // *zavináci* и пр., далее существительное *mikrob* (*mikroby* // *mikorbi*) и названия игрушек, представляющие живые существа, ср.: *koničky* // *koničci*, *panáky* // *panáci*, *draky* // *draci*. Как архаизм может встретиться (например, в художественном тексте) форма *hrobové*, *dnové*, *hájové*; здесь происходит согласование по форме, ср.: *Hrobové se otvírali*, *Jeho dnové byli ukráceni*, *Zelení hájové*. Данное явление представляет

собой важное отличие в категории одушевленности-неодушевленности между чешским и русским языками. Существительные типа *činitel, nosič, startér, nakladač, sběrač, trhač, počítač* и пр. имеют окончание и согласование по значению, т. е. в зависимости от того, обозначают ли они лицо или предмет, прибор и т. д., ср.: *Všechny činitele tohoto jevu nebyly ještě známy, Na motocyklech byly připevněny nosiče zavazadel, Startéry u zářivek přestaly fungovat a musely být vyměněny, Na povrchovém dolu byly umístěny nakladače uhlí, Sběrače odváděly odpadní vodu z uličních stok, Trhače slámy bývaly součástí mlátiček obilí, Počítače usnadnily práci v administrativě* × *Mnozí činitelé našeho okresu zmlkli, Nádražní nosiči odnesli všechna zavazadla na peron, Startéři řídili start a dávali znamení ke startu, Nakladači prováděli ručně nakládání jednotlivých archů do tiskových strojů, Sběrači raněných se vrátili po bitvě z bojiště do lazaretu, Do chmelových oblastí se sjeli trhači chmele, Počítači provedli přehlednou statistiku* (ср. Karlík – Nekula – Rusínová, 1996, 234–235).

Существительными исконно одушевленными обозначаются часто в переносном значении неживые предметы (ср.: *бумажный змей* „papírový drak“), однако оставляют они склонение одушевленное (ср.: *пускать бумажного змея* „pouštět papírového draka“). Наоборот, для обозначения лиц употребляются в переносном значении неодушевленные существительные типа *пень, колпак, мешок, дуб, тюфяк, (голубая) каска, (синий) чулок* и пр., имеющие в винительном падеже одушевленное окончание. Бывают это обычно пренебрежительные выражения, ср.: *Этого пня не уговоришь* „to dřevo nepřesvědčíš“, *Помню этого старого колпака* „pamatuji si toho starého hlupáka“, *Нашего мешка обманули* „našeho nemotoru ošídili“, *Такого тюфяка впервые вижу* „takového moulu vidím poprvé“, *Продолжаются атаки на голубых касок* „pokračují útoky na modré přilby“ (тj. příslušníky jednotek OSN), *На площади встретили синих чулок* „na náměstí potkali modré punčochy“ (тj. vysokoškolačky liberálních názorů v předrevolučním Rusku). Одушевленные формы наблюдаются далее во фразеологизмах, ср.: *валить дурака* „tahat za nos, dělat hloupého“, *дать стрекача* „prásknout do bot“.

Названия карточных фигур *валет* „kluk“, *король* „král“, *туз* „eso“ склоняются как существительные одушевленные, ср.: *сбросить валета* „pustit, přebít kluka“, *покрыть туза козырем* „dát trumf esem“, *покрыть короля тузом* „přebít krále esem“.

Названия игр обычно употребляются как неодушевленные существительные, ср.: *играть в кошки-мышки* „hrát na kočku a myš“, *играть в казаки-разбойники* „hrát si na loupežníky“ × *играть в космонавтов* „hrát si na kosmonauty“.

Особого внимания заслуживают случаи употребления имен собственных в переносном значении:

а) в качестве названий художественных произведений, пьес, опер и пр., т. е. когда они обозначают предметы одушевленные. Имя собственное, употребляемое в этом значении, имеет в русском языке большей частью (в чешском всегда) форму винительного-родительного, ср.: *слушать* „Ев-

гения *Онегина*“, играть „*Короля Лиры*“, читать „*Братьев Карамазовых*“, смотреть (т. е. по телевидению или в кино) „*Обломова*“. Неодушевленная форма встречается редко, ср.: *Сегодня, когда мы ходили в кино смотреть „Сын полка“ нам пришлось долго ждать начала сеанса.* Особая роль одушевленных имен существительных такого рода в названиях отражается на письме постановкой кавычек, ср.: *В парке я видел всех трёх сестёр × В театре мы видели „Трёх сестёр“* (ср. Trost, 1992, 64). Приведенные способы выражения избегаются таким образом, что к данным названиям присоединяются слова „опера“ (ср.: *Я слушал оперу „Евгений Онегин“*), „фильм“ (ср.: *смотреть фильм „Обломов“*), „роман“ (ср.: *читать роман „Рудин“*) и т. п.

б) Отчетливая разница между чешским и русским языками встречается при обозначении промышленных изделий, газет, журналов и пр. при помощи одушевленных существительных мужского рода. В русском языке эти названия (в отличие от чешского языка) приобретают всегда неодушевленную форму, ср.: *Осталась одна надежда: что лётчики расскажут на острове, где они в последний раз видели „Колумб“* (= название корабля). „*Zbývala jediná naděje, že letci budou na ostrově vypravovat, kde viděli naposled Kolumba.*“ *Рыбаки узнали издали „Неутомимый буреветник“* (= название корабля). „*Rybáři už zdaleka poznali Nezdolného bouřliváka.*“ Иногда встречаются колебания, ср.: *Он приобрёл „Москвич“ × Соседи купили „Москвича“*, *читать „Библиотекарь“ // „Библиотекаря“.*

В чешском языке в данных словосочетаниях употребляется одушевленная форма, ср.: *vyhrát Moskviče, koupit si Maneta, číst Odboráře, Mladého technika* и пр. Приведенные обозначения чувствуются иногда как нарицательные наименования и пишутся со строчной буквы. Подобные наименования представляют собой названия грибов, игр, напитков, блюд, танцев, марок автомобилей и пр., ср.: *koupil si škodovku, nové favority mají lepší pérování, pere v tixu, najít klouzka, hrát ferbla, sázet matesa, dát si frťana (ruma, buřta), tancovat rejďováka* и пр. В области собственных имен происходит перенос имени существительного, обозначающего исконно живое существо, на неживое существо. У некоторых появляются обратно формы одушевленные, ср.: *pít johny(ho) walkera, koupili kaplana* (= Kaplanovu turbínu) и т. д. Одушевленные формы имеют в разговорном языке и ряд других профессиональных и сленговых наименований (ср.: *operovaný na slepáka*).

Особо надо выделить группу существительных, обозначающих совокупность людей, в которой категория одушевленности вопреки своему значению формально не выражена, ср.: *видеть народ, защищать пролетариат, создать отряд добровольцев.* Сюда можно включить также формы некоторых собирательных существительных с суффиксом *-ств(о)*, ср.: *поздравить студенчество, призвать крестьянство* и т. п.

Подобно обстоит дело в чешском языке. Существительные, обозначающие совокупность живых существ (ср.: *hmyz, dobytek, národ, dav, lid, zástup, studentstvo, rolnictvo, proletariát*), обладают также формами неодушевленными. Их окончания определяют форму синтаксических адъективов, ср.:

Tyto mladé národy měly vždy problémy a byly tím poškozeny, Zástupy // Davy lidí čekaly, až se otevrou brány výstaviště. Существительные *hmyz, dobytek, lid, studentstvo, proletariát, rolnictvo* и некоторые другие употребляются только в единственном числе (ср. *bzuket hmyzu, ustájení dobytka, majetek všeho lidu, představitelé studentstva, vůdcové proletariátu, zástupci rolnictva*).

В живой разговорной речи широко отмечается нарушение норм употребления форм винительного падежа одушевленных существительных в сочетаниях с количественными числительными и с неопределенно-количественными словами. Вопреки литературной норме числительные в сочетании с одушевленными именами существительными имеют в разговорной речи форму, сходную с именительным падежом, ср.: *купить две коровы, пригласить три специалиста, видеть четыре товарища, встретить две незнакомые женщины*. Рекомендуется разграничивать сочетания одушевленных имен существительных с простыми числительными, для которых установлена литературная норма винительного-родительного (ср. *спросили двух студентов; вижу двух женщин, трёх братьев, обеих сестёр, пятерых сыновей* × *вижу два стола, три стены, трое саней*; у остальных количественных числительных винительный падеж всегда совпадает с именительным, ср.: *вижу пять женщин, десять учеников* и т. п.), и сочетания с составными числительными, для которых нормой является винительный-именительный (ср. *спросили двадцать два студента, видели тридцать три ученика*).

Из вышесказанного следует, что при выражении средств категории одушевленности-неодушевленности в структуре существительных исследуемых языков важно только представить себе, с чем связаны различия в оформлении винительного падежа.

ЛИТЕРАТУРА

- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Издание второе. Москва, „Высшая школа“, 1972.
- ИВАНОВ, В. В.: *Историческая грамматика русского языка*. Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, „Просвещение“, 1983.
- ИВАНОВ, В. В. – ПОТИХА, З. А.: *Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе*. Москва, „Просвещение“, 1985.
- МИЛОСЛАВСКИЙ, И. Г.: *Морфологические категории современного русского языка*. Москва, „Просвещение“, 1981.
- РОЖКОВА, Г. И.: *Очерки практической грамматики русского языка*. Издание второе, исправленное. Москва, „Высшая школа“, 1987.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.): *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва, „Наука“, 1970.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. – ЛОПАТИН, В. В. (ред.): *Русская грамматика*. Изд. 2-е, исправленное. Москва, „Русский язык“, 1990.
- ШЕЛЯКИН, М. А.: *Функциональная грамматика русского языка*. Москва, „Русский язык“, 2001.
- ЯНОВИЧ, Е. И.: *Историческая грамматика русского языка*. Минск, Изд-во „Университетское“, 1986.

- HAVRÁNEK, B. (red.): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. SPN, Praha 1976³.
- JIRÁČEK, J.: *Morfologie ruského jazyka. Substantivum*. Skriptum. SPN, Praha 1986.
- KARLÍK, P. – NEKULA, M. – RUSÍNOVÁ, Z. (red.): *Příruční mluvnice češtiny*. Lidové noviny, Praha 1996.
- LAMPRECHT, A. – ŠLOSAR, D. – BAUER, J.: *Historická mluvnice češtiny*. SPN, Praha 1986.
- MRÁZEK, R. – POPOVA, G. V.: *Historický vývoj ruštiny*. Skriptum. SPN, Praha 1982.
- TROST, K.: *Zur semantischen Klassifikation der Substantive und des Genitiv-Akkusativs im Russischen*. S. Roderer Verlag, Regensburg 1992.
- ŽAŽA, S. (red.): *Morfologie ruštiny I*. Skriptum. Masarykova univerzita, Brno 1996.

PROSTŘEDKY VYJÁDŘENÍ KATEGORIE ŽIVOTNOSTI A NEŽIVOTNOSTI V SOUSTAVĚ SUBSTANTIV

Substantiva v ruštině a češtině podobně jako i v jiných slovanských jazycích vyjadřují gramatický významový rozdíl mezi bytostmi živými a neživými. Toto rozlišování není však provedeno v obou jazycích ve všech typech skloňování, a také prostředky, jimiž se tak děje, nejsou stejné. Životnost v ruštině je vyznačena v množném čísle všech skloňování, v čísle jednotném jen u jmen mužských. V češtině jsou zvláštní vzory životné, ale jenom u jmen mužských, jména ženská a střední životnost a neživotnost formálně nerozlišují. V obou zkoumaných jazycích se tato gramatická kategorie nemusí krýt se sémantickým rysem reálné životnosti. U některých podstatných jmen není význam životnosti či neživotnosti zcela vyhraněný. Kromě gramatických prostředků existují i jiné způsoby pro vyjádření bytosti. Tyto způsoby se rozebírají v příspěvku.

Aleš Brandner
Ústav slavistiky
Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
Arna Nováka 1
602 00 Brno
e-mail: brandner@phil.muni.cz

